

СЕРГЕЙ
КРАВЧЕНКО

Тайный
Советник
Ивана Грозного

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЬЯКА ФЕДОРА
СМИРНОГО

Ростов-на-Дону

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2=411.2)6-44
КТК 630
К78

Кравченко, Сергей.

К78 Тайный советник Ивана Грозного : приключения дьяка Федора Смирного / Сергей Кравченко. — Ростов н/Д : Феникс, 2023. — 254, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-222-33753-0

Лето 1560 года. Москва. Кремль. Все смешалось в Большом дворце.

В тяжком смятении государь наш Иван Васильевич Грозный. Угасает от непонятной болезни царица Анастасия Романовна. Князья точат ножи! В боярстве измена! В книжниках колдовство! В попах ересь!

Вы скажете, бред больного властителя? А вот же покушение — прямо в монастыре среди святынь! — это как?! Кто спасет государя? Боярская дума? Стрелецкий полк? Старый митрополит? Может, верный наш народ российский встанет за любимого монарха? Так он первый на подозрении!

Остается только взывать к Богу! Да и там нет ответа...

А вот мальчишка монастырский неглупые вещи говорит! И как-то проще и легче становится. Отступают призраки. Вражья хитрость рассыпается в прах. Видишь, государь, у кого сила? У простых людей: у верных псарей, у мелких придворных, у мальчишки белобрысого...

Иди-ка сюда, парень!..

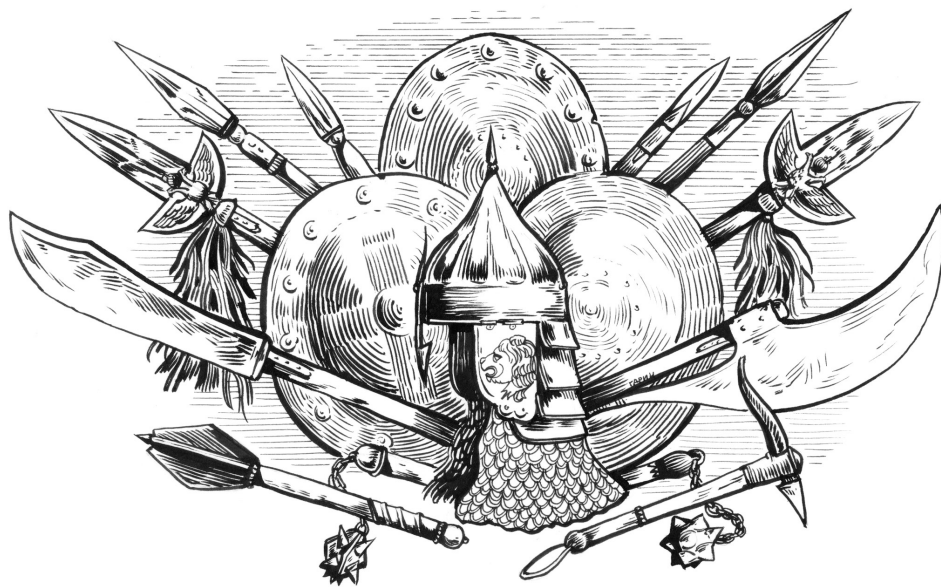
Так началась удивительная авантюрная многолетняя служба дьяка Большого дворца Федора Смирного...

Некоторые имена, события и названия были придуманы автором для художественного эффекта. Любые совпадения с реально живущими или жившими людьми и фактами из их жизни являются случайными.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-222-33753-0

© Кравченко С., 2022
© Гарин К.В., ил., 2022
© Оформление: ООО «Феникс», 2022

Часть 1. Федор Смирной попадает в историю

Иван Васильевич сидел в Грановитой палате. Две думы насмерть бились в его голове. Одна бесплотно страдала в ужасе от непонятого воскресного происшествия, вопила дурным голосом. Другая молча стояла в уголке и принимала различные телесные формы: представала то клыкастым монахом, то голой девкой, то обезглавленным стрельцом. В любом облике этой думы присутствовала кровь. Кровь на клыках, на голом теле, на стрелецком кафтане. Хотя на кафтане кровь вроде бы не нужна? Он же и так красный? Для чего мы в красное стрельцов одеваем? Чтоб крови не боялись!

Иван задумался о значении цвета, прищурил правый глаз и обнаружил, что все вокруг стало желтым.

«А! — мелькнуло в голове. — Это свет в басурманском стекле золотится!»

Тайный советник Ивана Грозного

Но солнце уже ушло за Воробьевы горы, сирийские стекла были тусклыми, как всегда в это время и в этой части дворца. Иван открыл правый глаз и прикрыл левый. Вокруг кроваво покраснело. Резкий голос завопил: «Измена! Воры дерзают младенца извести!»

— Какого младенца? — ошарашенно спросил Иван.

— Федора Безгласного! — ответил голос.

— Стража! Стража! — закричал Иван, в ужасе тараща оба глаза.

На крик ввалился начальник Стременного полка стрелецкий голова Сидор Истомин, еще двое в красном и один в черном. Иван прищурил правый глаз, красные кафтаны утратили кровавый оттенок.

— Воры, — в изнеможении выдавил Иван.

— Вот, государь, поймали, — отрапортовал Истомин, вытаскивая из-за стрелецких спин мальчишку в черном подряснике.

Пойманный склонился до пола, потом сел на колени, но смотрел на царя спокойно, открыто. Клыков у него не было.

— Ты кто?

— Сретенского монастыря послушник Федор Смирной.

— Зачем здесь? — Иван не мог вспомнить, где видел этого белобрысого.

— Вели всем выйти, государь.

Иван оторопел, хотел кричать, но глянул на малого, как-то сразу затих и кивнул Истомину:

— Ступай, Сидор, да скажи там, что я жалую твой полк двумя бочками вина.

4

Начальник полка хотел предложить Ивану связать преступника, но осекся, подумал, что ничего страшного, парень хлипкий, и вышел без каблучного стука. Пара стрельцов протопала за ним...

Тут следует вернуться на три дня назад.

С утра 9 июня 1560 года царь Московский и вся Русь Иоанн Васильевич пребывал в переменчивом настроении. Странные,

неуловимые сны его после пробуждения продолжились столь же неуловимыми, бессвязными рассуждениями. Но общая мысль их была одна: «Господи, за что?!»

Выходило так, что видения сна теперь повторялись навязчивыми словами, обрывками фраз.

При одевании в глазах царя стояли страшные картины несчастного паломничества 1553 года, в котором скончался маленький сын Дмитрий. Он четко и жутко видел тело ребенка на отмели проклятого Белого озера, кровавая пелена застила глаза, потом она рассеивалась и проступало безразличное отражение в черной воде крестов Кириллова монастыря.

— За что?! Я же Тебе Казань взял! — крикнул Иван Богу и рорвал ворот рубашки. Спальник в ужасе отскочил в угол. Царь осел на кровать и закрыл глаза. И сразу полезли картины другого, прошлогоднего, паломничества, когда ни с того ни с сего прямо в монастырской церквушке подкосило царицу Настю. Она просто не смогла встать с колен.

— Вот и молись Тебе! — снова закричал Иван в пустоту, и вошедший для благословения духовник царя протопоп Сильвестр слился со стеной и заскользил к двери.

Завтрак, понятное дело, зарядили малым обычаем, но тут вдруг как-то бесчинно подскочил ключник царицы Анисим Петров и осмелился шептать царю на ухо. От этого сразу отпустило, Иван Васильевич посветлел и пробормотал в потолок:

— Вот за это спасибо!

А ключнику бросил: «Зови всех!»

Под «всеми» понимались отец Сильвестр и несколько ближних людей, завсегдатаев Большого дворца.

За столом государь объявил благоую весть: Божьей милостью младший сын царя князь Федор Иоаннович обрел дар речи и вымолвил некое «слово». Это было чудесно, потому что малютка Федор выглядел нездоровым и за три года жизни не произнес даже «мама». Теперь появилась надежда на исправление малыша.

Тайный советник Ивана Грозного

— Слышь, Анисим, так как он сказал? — лицо Ивана просто сияло.

Анисим, допущенный постоять при царском завтраке, снова склонился к высочайшему уху и выдохнул что-то короткое. Иван засмеялся.

Стали выпивать, закусывать, веселиться. Царь рассуждал вслух, что неплохо бы посетить какой-нибудь ближний монастырь. Потом предложил застольным боярам устроить смотр войск, отправляемых на Ливонскую границу. Бояре были не против. Один только Сильвестр начал ерзать, не донес кусок белуги куда следует.

Сильвестру остро не нравилась Ливонская война. Он полагал, что истребление христиан, хоть и католиков, менее угодно Богу, чем, например, освобождение Крыма от разбойничьих татарских поселений. Тем более не следовало напоминать Господу о кровавой войне среди молитв о благополучии маленького князя.

Но Ивана уже нельзя было отвести от парада. В глазах его сверкали алебарды, в ушах визжали рожки и били бубны.

Сильвестр по обыкновению надулся. Раньше это мистически действовало на царя. Он очень ревниво относился к благословенности своих дел, зная неблагословенность плотских помыслов. Но сегодня был особенный день. Хотелось всеобщего удовольствия, единомыслия, ликования и умиротворения.

Власть Сильвестра больше не казалась безвыходной. Иван помнил, как после взятия Казани в 1553 году Господь ниспослал ему прозрение. Тогда Иван слег от нервного перенапряжения, и все подумали, что умрет. И сразу вскрылась измена. Двоюродный брат князь Владимир Андреевич Старицкий заявил претензию на трон. Он отказался присягать наследнику младенцу Дмитрию, а присяги родному брату царя — безумному Юрию — с него и не требовали. Боярство расколосось на две партии, пошли совещания, начались прямые стычки у ложа умирающего.

Дело доходило до плевков и толкотни. Одни не хотели присягать младенцу Анастасии — их воротило от мысли оказаться под регентством ее братьев — бояр Захарьиных-Кошкиных. Другие, наоборот, опасались растерять привилегии, нажитые при дворе и связанные с партией царицы. Иван с досадой поглядывал на ссору придворных. Особенно больно било каменное молчание Сильвестра. Духовный отец, так долго наставлявший, учивший различать добро и зло, теперь затаился, ждал, чья возьмет. Выходило, его не беспокоит судьба наследников и царицы, не тревожит предсмертный зуд Ивановой души...

Потом донесли, что больше всех мутили воду в пользу Старицкого как раз люди Сильвестра, призванные ко двору, поднятые по службе. Прямых доказательств измены не нашлось, но подозрение Иван затаил. Вернее, не он его затаил — оно само затаилось. Не все настроения властелина поддавались самодержавному управлению.

И вот теперь Сильвестр хмурился, был готов противоречить даже в такой день. Он должен бы первый радоваться доброй вести! Нет, скорбит о ливонских католиках!

Иван начал гневаться. Горячая волна поднялась у него откуда-то снизу, от желудка, огнем прошла под ребрами, бешеной жилкой запульсировала в горле, застучала в виски.

Но тут солнечный луч отразился от золотого купола колокольни, прострелил желтое сирийское стекло в свинцовом переплете и упал на грудь сварливого протопопа. Там солнечный зайчик замер на панагии — эмалевой подвеске с иконкой, высветил лик Христа.

Иван засмеялся, от сердца отлегло. Остальные участники завтрака тоже увидели освещенного Спаса и хоть не поняли, что тут смешного, но захихикали дробным льстивым хором.

— Ты бы, святой отец, лучше небесным откровением занялся, чем нас на Крым поворачивать. Нам сейчас из Москвы нельзя отлучаться.

Тайный советник Ивана Грозного

— Каким откровением? — опешил Сильвестр. Он один не видел солнечного блика, но думал как раз о крымских и ливонских делах.

— А вот, гляди-ка, свет Божий, пройдя сквозь басурманское стекло, не испортился, не опоганился, а Спаса осветил! А ты не хотел стекла менять! Не скажешь, отчего такое чудо?

Тут застольные перестали улыбаться: чудо — дело серьезное!

Сильвестр увидел свет на панагии, замер, чтоб не спугнуть зайчика, но молчал.

— А оттого нам это видение, — довольно рассуждал Иван, — что сарацины — твари смертные, а песок Палестины, из которого они стекла льют, — вечен! Видать, в стекло попала песчинка, на которую сам Христос наступал!

Компания перестала жевать и забыла дышать.

— На все воля Божья, — выдавил Сильвестр сквозь непрожеванную белугу.

Решили угодить всем — ради Христа, заговенья Петрова, воскресного дня и царской радости. Было объявлено посещение ближнего монастыря, какой укажет Сильвестр, потом смотр войскам, потом большое застолье в честь Федора Иоанновича. Порядок мероприятий определялся не прихотью царя, а реальным положением дел:

- в монастырь можно нагрнуть без подготовки,
- войска к походу готовы, но к смотру — не совсем,
- обед по большому обычаю и вовсе требует серьезной проработки; каждое блюдо из сорока перемен следует сварить, изжарить, сервировать, испробовать на вкус и яд, подать точно в срок.

Стали собираться в Сретенский монастырь.

Посыльный от Сильвестра опередил царский выезд на час, известил игумена Сретенки о нечаянной радости, монахи забежали, засутились, стали наводить показной порядок. Послушни-

ков выгнали вместе с чернецами подметать и украшать, потом велели переодеться и строиться к встрече.

Федя Смирной, сирота 18 лет, из московских жильцов, стоял в первом ряду с блюдом для даров. Федю часто назначали к дарам: очень красиво смотрелись его светлые волосы на черном подряснике и при серебряном блюде. Друзья Архип и Данила беззлобно называли его «ублюдком», но Федя не обижался. Если рассуждать здраво, ублюдок — лучше, чем сирота.

Погода стояла прекрасная. Лето началось без жары — буйной зеленью и мягким теплом. Солнце освещало новые тесовые крыши монастырских построек, они казались золотыми, сливались с церковными куполами. Все было готово, но царь не ехал. Федя стал разглядывать окружающих.

Вот игумен отец Савва. Телом толстый, лицом худой, добрый, но нервный. Добивает Савву московская жизнь. Тяжко ему после Волоколамского монастыря.

Вот кот Илларион — важно шествует по свободному пространству, очищенному для царской кареты. Он тоже толстый, но спокойный — с умиротворенным лицом, то есть мордой. Вот таким надлежит быть игумену — величавым, размеренным в движениях и мыслях.

На самом деле кота звать Истома, но отец Савва запретил языческое имя в святых стенах, и пришлось кота крестить. Три дня назад, 6 июня, был день Иллариона. Федя, Архип и Данила подманили Истому на рыбью головку и совершили тайный обряд крещения Божьей твари, окунали кота в купель, заносили в алтарь под «епитрахилью» — старым полотенцем. Правда, кот купели не принял, орал и царапался, деревянный крестик с шеи сорвал лапой, крестным знаменем пренебрегал, отговариваясь неловкостью двуперстного сложения. И на имя Илларион демонстративно не отзывался...

А вон передовой отряд стрельцов. Полдюжины крепышей в ярких, только что пошитых кафтанах. Все на них новое, сапоги

Тайный советник Ивана Грозного

блестят, держак бердышей начищены, будто с утра выструганы. Эти в Ливонию не пойдут, в Москве пригрелись, как Истома. Выстроились вдоль стены справа и слева от ворот. Почему-то нервничают.

А вот и движение началось. Ворота открылись как бы сами собой, худые тени монахов метнулись в разные стороны, неуверенно ударил большой колокол, грянули хором все прочие. Отец Савва поморщился: никак не удавалось добиться от звонаря правильного колокольного строя.

Первым влетел на монастырскую площадь конный отрок из дворцовой охраны. Вздрыбил коня, напылил, зыркнул по сторонам, выскочил наружу. И сразу затоптали десятки тяжелых сапог — слышно было даже сквозь колокольную неразбериху. Пешие стрельцы Стременного полка — числом до полусотни — вбежали во двор, окольцевали пустую середину, потеснили монахов, воскресных прихожан, прочих монастырских обитателей. Стрелецкий голова подскочил к Савве, что-то спросил, выслушал ответ, кивнул, что-то сказал, еще раз кивнул, отдал команду ближним бойцам. Красное кольцо разомкнулось, сомкнулось вновь, и Савва, старцы, Федя с блюдом оказались внутри оцепления.

Застучали копыта, несколько всадников влетели в проем ворот, следом по доскам прогрохотали кареты.

«Спешит государь, — подумал Федя, — если б не спешил, пришел бы пешком. По такой погоде мог и босиком в рясе пожаловать. Набожен отец, богобоязнен».

Иван Васильевич бодро выпрыгнул из крытого возка, обитого кожей, приосанился, привел думы в надлежащее состояние. В дороге — а тут и версты нет — думал о жизни грешной.

Царь был крепкий, высокий, склонный к полноте мужчина с редковатыми, но великолепными черными кудрями, ухоженной бородой с рыжеватыми прядями, с пронизательными голубыми глазами. Иван Васильевич вызывал ощущение силы, уве-

ренности в завтрашнем дне, надежности бытия. Поговаривали, правда, о его крутом нраве, грубых выходках, плотских грехах. Но кто безгрешен в 30 лет? Посреди мира? На вершине власти и славы?

Вслед за Иваном из кареты кряхтя вылез протопоп Сильвестр, оглядел собравшихся, довольно кивнул. Сильвестр был знатоком монастырского распорядка, наизусть знал Номоканон — сборник духовных и мирских правил, сам писал наставления.

Благословясь у игумена, царь громко сказал ласковое слово, начал широко креститься на четыре стороны, поворачиваясь всем телом, кланяясь в пояс. Совершив полный оборот, еще раз поклонился Сретенской церкви, на мгновение замер в поклоне...

Дальше ему полагалось распрямиться, принять царственную осанку, подойти к дарам и во главе процессии следовать в церковь на службу. После службы должна была состояться легкая трапеза — именно на ее запах проследовал кот Истома. Но ничего этого не случилось.

То, что произошло за малое время выхода из поклона, стало страшной неприятностью для монастыря, стрелецкой охраны, лично начальника полка. И большой досадой для отца Сильвестра.

Воспитанник Сретенки сирота Федор Смирной уронил на землю блюдо с дарами, толкнул локтем отца Савву и бросился к царю, раскинув руки. Так кот Истома бросался на хвост селедки, подвешенный в трапезной.

Колокола смолкли при выходе царя из кареты, поэтому собравшиеся услышали писк Феде, ухваченного за шиворот боевой рукавицей. Федя рванулся, ряса лопнула, путь был свободен, но тут мелькнула сталь бердыша и пригвоздила подол рясы к земле. Федя рухнул к ногам Ивана, протянул вперед руки, поднял глаза и увидел побледневшее лицо, трясущуюся бороду, казавшуюся совсем черной.

«Слово и дело...» — успел прохрипеть Федя под телами двух стрельцов. Его подняли и отволокли в сторонку.

Иван продолжал стоять в оцепенении, его лицо сменило цвет со смертельно-белого на красный. Потом снова стало нормальным.

Царь отмахнулся от Саввы и Сильвестра, прыгнул в карету и умчался восвояси. А Федю без расспросов завалили в телегу и доставили в Кремль. Там его затолкали в грязную яму на вытопанной сторожевой площадке и прикрыли дощатым щитом.

«Почему сразу не убили? — думал Федя. — А! Понятно. Будут пытаться, спрашивать, кто подучил».

* * *

Три дня прошли в духоте, жажде, полуголодном сне. Кормили дрянью.

Но сегодня вокруг ямы возникло оживление. В течение дня сторожевые несколько раз вступали с кем-то в разговоры — Федору показалось, с начальством. Дело идет к развязке, решил Смирной.

И правда, не успело солнце уйти из щели, как крышка отвалилась и волосатая лапа вытащила Федора на свет Божий. Два стрельца в вонючих сапогах проводили пленника в темноватое помещение под дворцом.

И вот теперь Федя сидел и ждал приема у государя Иоанна Васильевича. Что это именно царь лично пожелал видеть вора, громко перешептывались стрельцы. В другой раз московские обыватели позавидовали бы Федору — мало кто мог похвастать беседой с великим самодержцем. Но сегодня у Феде не было завистников. Приглашали его не пиво пить...

Надо сказать, вид у Феде был не очень подходящий для царской аудиенции — лицо разбито в кровь. Пятна на подряснике уже запеклись и не слишком бросались в глаза, но все равно портили общий вид. Особенно некрасиво выходило сзади:

подрясник, разорванный от ворота до пояса, обнажал полотняную рубаху, вывалянную в грязи и дворовой дряни.

Глаза постепенно привыкали к полумраку, а нос уже подсказывал: «Не пыточная!» Пытка должна была пропитать стены паленой щетиной.

Ухо тоже хотело сообщить что-нибудь обнадеживающее — вот хотя бы звон шпор — палачи в шпорах не ходят! — но тут в ухе что-то взорвалось, ударил большой Сретенский колокол, взвыл кот Истома. В глазах сверкнули звездочки, и стало светлее.

Перед Федором стоял давешний стремениной голова, но с кошачьей головой. Он гневно разевал усатый рот.

«За что Истома здесь?» — подумал Федя.

Кот пару раз мяукнул и спросил человеческим голосом: «Ты на кого, сученыш, посягал?!»

Далее выяснилось, что в прошлое воскресенье в Сретенском монастыре, среди Божьей благодати и при ясном солнце, было совершено дерзкое покушение на жизнь грозного и милостивого царя нашего Иоанна Васильевича. Вор-одиночка Федька Смирной намеревался задушить великого монарха голыми руками, изрыгал проклятья, осквернил церковные святыни, смешал с прахом Тело Христово и Кровь Его.

За все это надо было Федьку на месте растерзать, но государь в безмерном человеколюбии велел вора допросить. Так давай, вор, кайся!

Федор осмотрелся привыкшими к темноте глазами. В очаге не было раскаленных инструментов. Огонь тоже не горел. На перетлевших углях стояли ношенные сапоги. Стрелецкий голова больше в ухо не бил.

«Значит, велено спрашивать осторожно. Значит, царь услышал „слово и дело“». Федя сделал добродушное лицо и униженно попросил господина начальника развязать руки для крестного знамения.

Развязали!

Федя спокойно перекрестился, пропямкал губами молитву, очи возвел под закопченный потолок. Сказал, что заговор был, и было покушение от неких сил зла, и есть великая тайна, которую, увы, при всем уважении к господину голове сообщить вслух нельзя. Вернее, можно, но не ему, а самому государю. Да, руки можете сковать. Глаза завязать. Нет, уши резать не стоит — как услышишь вопросы?

Начальник полка убыл без очередной оплеухи. Потом вернулся совершенно озадаченный. Так Истома возвращался с монастырской поварни в дни Великого поста.

Федора повели в белую гридницу — приличное помещение для дежурного стрелецкого наряда. При этом не толкали, не били, не называли вором, а наоборот, отряхивали со спины солому.

Теперь Федя сидел на лавке под стеночкой, а стрелецкий голова мягко ходил вокруг по широкой дуге.

«Умыть ли? — думал Истомин. — Уместен ли столь убогий вид пред царским ликом? Но с другой стороны — вор! Битая воровская морда — знак усердия караула. Мы ж ему не сказки сказывать должны с манной кашкой!..»

Тут на входе появилась округлая фигура посыльного — дворцового подьячего Прошки. Начальник караула принял напряженную стойку.

— Господина Истомина к государю с пленником! — крикнул царский человек, и Федю подкосило. «Истомин!» Истерический, лихорадочный смех разрывал легкие, лицо налилось кровью, тело стало валиться на лавку. Федя держался из последних сил, но не вынес этой единственной на сегодня пытки. Всклипнул, зашелся хохотом. Из глаз брызнули слезы.

— Ты это, парень... ты чего? — стрелецкий голова озабоченно хмурился. — Не бойсь, даст Бог, жив будешь. Ну, отрежут тебе уши, загонят в Пустозерск, и так и эдак — монастырь!

Тайный советник Ивана Грозного

Истомин вытащил из волос Феде последнюю соломинку и пошел за Прошкой. Следом бережно повели Федора. Охраны было только двое стрельцов, причем один из них — сотник.

— Так как, говоришь, тебя звать? — Грозный посмотрел на Федю пустым взглядом.

— Федор.

«Федя Феде не злодей!» — пискнула в голове царя дерзкая мышь и выскочила из ушной норки. Иван брезгливо стряхнул ее с плеча.

Царь велел Федору говорить и с удивлением узнал, что в Средненском монастыре некие лихие люди замыслили его убить. Ощущение личной опасности привело Ивана в чувство. Он подобрался, в голове стало ясно, мысли выстроились в четкую вереницу, как придворные у присяги. Оба глаза давали одинаковый цвет.

Личный страх не так пугал и расстраивал царя, как страх за близких. Он и страхом-то оставался, пока неизвестно было, откуда грозит опасность. А теперь, когда сирота рассказал о шести ворах, ряженных в стрелецкие кафтаны, Грозный почувствовал азартное удовольствие.

— Так, говоришь, держак у бердышей были сосновые?

— Сосновые, государь. И кожа на перевязях нетерта.

— А чего ж ты сразу караул не кричал?

— Я думал. Не верилось, что чужие люди могут вот так просто, среди бела дня нарядиться стрельцами, с оружием войти в обитель, стоять у царя за спиной.

У Ивана побежали мурашки.

— Они сразу приблизились?

— Нет. Сначала прислонились под стеной. Потом, когда стража твою повозку пропустила и кольцо замкнуть промешкала,

они в кольцо встали. Стременные на них поглядели, но потом смотрели только на тебя. Когда ты пятое знамение налагал, они двинулись средним шагом.

— А ты?

— Я подумал, что нужно как-то оживить стреманных.

— И оживил?

— Да, только опасно вышло. Стременные на меня навалились, стали юродивых отгонять, а вам спину не прикрыли. Хорошо, ряженные испугались, побежали за общежительные кельи.

— В монастыре измена?!

— Нет, государь. Там у нас лаз под стеной — на улицу. Всем известно.

Царь хотел отпустить Федора, но возникли новые вопросы. Иван продолжал расспрашивать о монастырских обывателях, о посторонних, о порядке и не видал ли Федор чего подозрительного.

Солнце совсем село. Спальник не решался прервать царскую беседу и зажечь свечи. Оставлять повелителя в темноте с оглашенным вором он тоже боялся. Топтался с зажженной полупудовой свечой у приоткрытой двери.

— Зайди, пресветлый! — пошутил Иван.

Пока спальник устанавливал всюнощную свечу, пока разжигал от нее лучину и «светлил» мелкие свечки на поставцах, на столе, под иконостасом, Иван молчал. Он слишком устал, многое пережил за эти дни, многое хотел обдумать. Сделал отмашку, чтобы Федор шел восвояси, открыл было рот пообещать сироте награду, но увидел белое лицо и осекся. Федор держал палец поперек губ. Глаза у него были настороженны, но добры, и можно было думать, что он просто собирается в носу поковырять, да стесняется царя. Но Иван понял этот жест: «Молчи!»

Снова Ивану стало страшно. Тьма ночная всегда действовала на него разрушительно. Темными московскими ночами он,

Главные действующие лица

1. **Иоанн IV Васильевич «Грозный»**, Царь и Великий князь всея Руси — государь многих царств, княжеств и земель.
2. **Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева**, царица — первая жена Иоанна.
3. **Иван и Федор** — их дети.
4. **Митрополит Макарий** — глава Русской православной церкви.
5. **Отец Сильвестр**, протопоп, пресвитер Благовещенской Кремлевской церкви — духовник царя.
6. **Князь Дмитрий Курлятьев** — сподвижник Сильвестра.
7. **Отец Савва** — игумен Сретенского монастыря.
8. **Алексей Адашев**, окольный — бывший фаворит Иоанна.
9. **Федор Смирной**, сирота из московских жильцов — послушник Сретенского монастыря.
10. **Архип и Данила**, послушники Сретенского монастыря — друзья Смирного.
11. **Сидор Истомина**, начальник Стременного стрелецкого полка — начальник царской охраны.
12. **Ганс-Георг фон Штрекенхорн**, немецкий дворянин на русской службе — сотник Стременного полка.
13. **Бромелиус, Стэндиш, Элмс, Робертс и Фринсгейм** — иноземные лекари.
14. **Прохор Заливной** — младший подъячий Большого дворца.
15. **Василий Ермилыч Филимонов** — стряпчий по разбойным делам.
16. **Егор Исаев** — палач.
17. **Иван Гаврилович Глухов**, средний подъячий Поместного приказа — ближний дворянин царя Ивана.
18. **Волчок и Никита** — его подручные.
19. **Анисим Петров** — ключник царицы Анастасии.
20. **Поликарп** — причетник Благовещенской церкви.
21. **Михаил Васильевич Тучков**, бывший боярин — враг и оскорбитель царя Ивана.
22. **Гаврила Шубин** — ловчий и печатник боярина Тучкова.
23. **Борис Головин**, новгородский стражник — вольный человек.
24. **Данила Матвеевич Сомов**, старший псарь — ближний человек царя Ивана.
25. **Ярик и Жарик**, близнецы — малолетние язычники.
26. **Вельяна**, русалка — их сестра.
27. **Феофан**, старец — лесной отшельник.
28. **Мария Магдалина**, крещеная полька — колдунья.
29. **Истома**, в крещении Илларион, кот — друг Смирного.
30. **Тимоха**, сивый мерин — боевой товарищ Смирного.

Все даты приводятся по Юлианскому календарю «старого стиля».

Содержание

Часть 1. Федор Смирной попадает в историю	3
Часть 2. Две памяти	42
Часть 3. Восход Великого Солнца	96
Часть 4. Умывание рук	135
Часть 5. Жертвоприношение	195
Часть 6. Конь Бледный, конь Вороной	233
Заключение. У Края Небес	252
Главные действующие лица	254

Литературно-художественное издание

Кравченко Сергей Иванович

Тайный советник Ивана Грозного

Приключения
дьяка Федора Смирного

Ответственный редактор	М. Железнякова
Выпускающий редактор	Г. Логвинова
Технический редактор	Т. Ткачук
Художник	К. Гарин

Формат 70/100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Тираж 3500 экз.

Импортер на территории ЕАЭС: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в Турции. Дата изготовления: 09.2022. Срок годности не ограничен.

Изготовитель: «Билнет Матбаацилик Ве Яиницилик А.С.»
(BILNET MATBAACILIK VE YAYINCILIK A.Ş)
Адрес: Дудулли Орг. Сан. Болг. 1 кад: 16,
Есенкент Умранье, Стамбул, Турция, 34776
(Adres: Dudullu Org. San. Bölğ. 1 cad: 16,
Esenkent Ümraniye, Стамбул, Турция, 34776)
по заказу и под контролем ООО «Феникс»